

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН

Я ПЬЮ ЗА РУССКУЮ

ЗАКВАСКУ

Абрашкин Анатолий Александрович родился в 1959 году, окончил радиофизический факультет Горьковского университета (1981), ныне – ведущий научный сотрудник Института прикладной физики РАН, профессор, многократный чемпион и призер первенства Горьковской области в составе команды “Радий”. Член Союза писателей России.

Публиковался в газете “Литературная Россия”, журналах “Молодая гвардия” и “Вертикаль. XXI век”, нижегородском альманахе “Земляки”. Автор книг: “Предки русских в Древнем мире” (М.: Вече, 2001), “Тайны Троянской войны и Средиземноморская Русь” (М.: Вече, 2003), “Русь Средиземноморская и загадки Библии” (М.: Вече, 2003), “Скифская Русь” (М.: Вече, 2008), “Русский дьявол: от Кощея до Воланда” (М.: Эксмо-Яуза, 2009), “Древние цивилизации Русской равнины” (М.: Алгоритм, 2011), “Русские боги. Подлинная история арийского язычества” (М.: Алгоритм, 2013) и поэтических сборников “Седина в бороду” (2004) и “Увидеть счастье” (2009). Соавтор (с Г.В. Макаровой) книги “Тайнопись в романе “Мастер и Маргарита” (М.: Вече, 2006).

Это третья поэтическая книга автора. Помимо стихов и поэм, в неё включены также статьи “Русский бог в “Новом мире” и “Поэзия русских числительных”.

МЫ – РУССКИЕ...

* * *

**Как огонь, поэта слово
Освещает крестный путь:
Пушкин – русскости основа,
Наша гордость, наша суть.**

**Слог воздушный, совершенный,
Опьяняюще родной,
Искрометный, незабвенный,
А местами озорной,**

**Увлечет и обаяет,
Точным словом усладит:
Тонкой мыслью речь приправит,
И отвагой напоит.**

**Слово – сущего прозренье,
Луч, пронзающий туман, -
Так его предназначенье
Раскрывает Иоанн.**

**Но коль слово прозвучало
У развилки всех дорог,
Пушкин – творчества начало!
Ангел света, русский бог!**

* * *

ТАЙНА ЛЕРМОНТОВА

**Он демоном себя воображал,
Но светлым, не добравшимся до ада,
Когда мелодии божественного сада
Ещё живут в груди как идеал.**

**Так, человек на грани двух миров
Пророческую мудрость обретает,
И жизни оболочку пронизывает
Сквозь суеты поверхностный покров.**

**Он, в сущности, языческий поэт,
Носил в себе небесный образ Бога,
И вся к Нему житейская дорога
Хранит звезды поэта грустный свет.**

* * *

ФЁДОР ТЮТЧЕВ

**Сам Пушкин в нём признал поэта,
Изданием стихов благословил:
Так появилась новая планета
В пространстве поэтических светил.**

**В нём были дивно слиты воедино
Поэт-мыслитель и политик-гражданин,
И в проявленье каждой половины
Блистал не человек, но исполин!**

**Мудрец седой и лирик незабвенный,
Венцом великолепья осиян,
Он жизнью воплотил завет священный,
Что слово русское есть знамя россиян.**

* * *

**Есенин дерзко воскресил
Для нас языческую древность,
И каждый ясно ощутил
Ее вселенскую душевность.**

**Там мир волшебный как живой
Задорно водит хороводы,
Там сердце дружит с головой,
Там царство подлинной свободы...**

**И даром образ принимать
Очеловеченной природы
Всего вернее передать
Характер нашего народа.**

* * *

Бунинское слово

Слово изразец:

Крепкая основа,

Радужный венец.

Русским духом веет,

Вещее таит,

Но, увы, не греет,

Только ворожит...

* * *

Стихи Набокова. Ни слова в простоте.

Я почему-то вспомнил Мандельштама:

Диковинная кинопанорама

Красивостей на призрачном холсте.

Но о России он писал иначе:

Там душу рвёт смертельная тоска

Скорбящего о доме мужика,

Где мать его поруганная плачет.

* * *

**Заката огненная риза
На гребнях керженской волны.
Судьба Корнилова Бориса –
История моей страны.**

**Из дома убежав в столицу,
Хлебнул он славы кипятков,
Ему б держать в руках синицу
И побережья, хоть чуток!**

**Но рок не знает промедленья,
К тому же, были времена,
Когда не пливших по теченью
Вычёркивались имена.**

**Земли семёновской избранник,
Воспевший синь её лесов,
Поэт в душе извечный странник
В краю бессмертных голосов.**

**Таланта яростная сила
И к слову абсолютный слух...
Я верю, будет жить Корнилов,
Доколе славен русский дух!**

* * *

Б. Корнилову

**Он жить мечтал до старости, до славы,
Он творчеством заоблачным горел.
Над Керженцем повис закат кровавый,
Когда вели поэта на расстрел...**

**Роднит слепая ненависть к России
Всех нессельроде, троцких и иных,
Поэты здесь – пророки и мессии,
И любят их в народе, как святых,**

**И памятники той любви признание,
И в день рожденья к ним несут цветы,
И поневоле зреет пониманье,
Что нет у жизни роковой черты...**

**Певец моей истерзанной державы,
Крепка стихов связующая нить.
“Я буду жить до старости, до славы” -
Хочу вослед тебе я повторить!**

* * *

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

**Перечитываю снова –
Это верная примета:
Принимаю как родного
Позабывтого поэта.**

**Оставаться сгустком света,
Проходя долиной смрада, -
Завещание поэта,
Видевшего тучи ада.**

**Пережитое страданье
Музыка его поэмы.
Вечное напоминанье,
Кто мы, где, зачем и с кем мы.**

* * *

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

**Наших предков душевный родник
Он расслышал среди гула мирского,
И родился поэт в этот миг
С даром вещего русского слова.**

**В русский мир, как хозяин, вступил,
Распахнул настежь окна и двери,
И стихами его покори́л,
И заставил в Россию поверить!**

* * *

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

**Одинокий, среди кучи врагов
Он распахивал вечности поле.
И был Голос: “А кто ты таков?”
И ответил он: “Русский в неволе”.**

**И враги потерялись в словах,
И друзья отшатнулись в испуге:
Здесь причиной зависть и страх,
Неизбежные в творческом круге.**

**Вот бы кто-то его поддержал,
Не стихами, так положеньем!..
Он с Христом на губах умирал,
И ему даровал Тот спасенье!..**

**Что поэты? Вопрос мой не нов,
Что-то нынче плывёте вы мелко,
Кто великий? Один Кузнецов.
“Остальные – обман и подделка”.**

* * *

МЫЗА

**Край могучих холмов над Окой
Исходил я от верха до низа.
Каждой клеточкой связан с тобой,
Моя малая родина – Мыза.**

**Тут высотки пока не в чести,
Люди ближе к земле и природе.
И счастлив, кто сумел обрести
Уважение в местном народе.**

**Улиц ласковый колорит
И строенья минувшего века.
Ненавязчиво всё говорит
Про душевность труда человека.**

**Летом – поле, зимою – каток –
Украшения стадиона.
Здесь журчит ребятишек поток
Независимо от сезона.**

**Парк – созвучие светлых чувств
Со швейцарскими пейзажами:
Посильнее всяких искусств
Дружбе гимн и любви адажио!**

Мыза, Мыза! Храни, неси

**Память предков чрез поколения,
Как частицу Советской Руси,
Как нижегородцев творение.**

* * *

**С молодых ногтей и с юных лет
Коплю я доблести примеры,
И неподдельный пиетет
Испытываю к офицерам.**

**Отдав свою судьбу во власть
Воинственного педантизма,
Осознаешь себя как часть
Несмазанного механизма.**

**Но командир с живой душой,
С природным даром руководства
Для подчинённого – герой,
Оплот ума и благородства!**

**Я помню статного отца,
Его полковничью папаху,
Сталь командирского лица,
В делах не ведавшего страха.**

**Вникая в суть вещей до дна,
На первом месте видя дело,
Он сеял смысла семена
Тактично, непреложно, смело.**

**Он жизнь лелеял как мечту,
Проросшую на Лобном месте,
Как бескорыстность, доброту
И гимн товарищеской чести...**

**Коплю на сердце с юных лет
Отцовской доблести примеры,
И неподдельный пиетет
Испытываю к офицерам.**

* * *

**Я отмечаю мамин день рожденья,
Хотя её уже на свете нет.
Пусть поздно, но опять прощу прощенья,
Глядя на сохранившийся портрет.**

**Мы в юности все заняты собою,
Всё за мечтой туманною спешим,
Советы старших отвергаем с боем,
Покою их ничуть не дорожим...**

**Уходят зимы, пролетают лета,
Я опыта порядком накопил,
И маме, нежно смотрящей с портрета,
Шепчу: “Меня никто так не любил”...**

* * *

**Не люблю, чтоб было пресно
И кладу на скуку вето,
Для меня родная песня –
Люди солнечного света.**

**Усмирив улыбкой выюгу,
Средь зимы кусочек лета
Дарят дружескому кругу
Люди солнечного света.**

**Праздники свои включая
В вихрь вселенского банкета,
Смысл жизни излучают
Люди солнечного света.**

**В философских разговорах
Проясняются ответы.
И подмога, и опора
Люди солнечного света.**

**Как добра святые реки,
Как счастливые билеты,
Как спасительные вехи –
Люди солнечного света**

* * *

**Мы – русские, мы – не славяне,
Мы раньше встали, дольше шли,
Живя на море-океане
Ко льдам водили корабли.**

**Всходила на арийском тесте
Идея всеединства в нас:
У нас любовь на первом месте,
А кулаки лишь про запас.**

**В нас дух имперского закала,
Наш путь – всемирная любовь,
И не за шкурные начала
Мы вечно проливаем кровь.**

**Мы – русские, мы – не славяне...
Мы раньше встали, дольше шли,
Живя на острове Буяне
Ко льдам водили корабли.**

* * *

**Что Россия? Загадочный лес,
Дивный сон иль крутая закваска?
Иль славянской души полонез?
Иль заветная русская сказка?**

**Образ Родины меркнет в словах,
Но сияет как вспышка сознания:
Наше вечное - это размах,
Бескорыстность и дар обаянья.**

**Да, медведи, но ведь не слоны,
Деликатны и не толстокожи,
И всегда пригласим на блины,
И кручину осилить поможем,**

**Радость жизни черпаем до дна,
Чуем ритмы космических далей,
Сторона ты моя, сторона
Звонких судеб и светлых печалей...**

* * *

**Эх, встречай меня парная,
Словно девица, встречай,
Жаром обними, родная,
И сердечно обжигай!**

**В печку наподдам изрядно,
Первый пар и свеж, и сух,
Вдохновляет всех отрадно
Русской бани русский дух.**

**Что ж погрелись, и за дело,
На подъем, богатыри!
Бьёмся вениками смело:
Ну-ка, дружно – раз, два, три!**

**Пара веников, как крылья
Птицы спутанной стучат,
Так упорны их усилья,
Что вот-вот сейчас взлетят!**

**Кожа терпит еле-еле,
Уж, ей-богу, не жилец,
Силы таят, таят в теле,
Кажется, пришел конец...**

**Но я молодец бывалый,
Не разиня, не балбес!
И какой ни есть усталый,
Вышел к людям... И воскрес!**

* * *

**В России русским всё беда –
То те, то эти наседают:
То в братской помощи нужда,
То дух свободы прививают.**

**Реформ убийственных каток
Торопит властная тусовка.
Народ уничтожают впрок –
Нахально, изуверски, ловко...**

**Да, мы – стожильные, и нам
Негоже плакаться в жилетку.
И мы поможем дружбанам
Из ничего создать конфетку.**

**Но если нас за наш порыв,
За нашу доброту без края,
Они, глаза отворотив,
Вдруг назовут рабами рая,**

**То пусть запомнят – на Руси
Бывали времена и хуже,
И не с молитвою “Спаси”
Мы поднимались из лужи.**

**В нас сила дедовских атак,
И для врагов она ужасна.
Россия как Иван-дурак –
Непобедима и прекрасна!**

* * *

В. Слобнякову

**Вот уже который год
Нас изводят.
По России хоровод
Черти водят.**

**Из окошка вид Кремля,
Там измена.
Добралася до руля
Мельпомена.**

**Театр абсурда как нарыв,
Как зараза.
Сдать бы клоунов в архив,
Да всех сразу!**

**Чтоб культурный беспредел
Стал пределом.
Чтобы Кремль заболел
Русским делом.**

* * *

**Есть девушка в нашей отчизне:
Красива, изящна, умна.
Весенним кипением жизни
По миру шагает она.**

**Улыбкою зал одарила,
Запела – и хочется жить!..
Дана ей волшебная сила
Огонь наших песен хранить.**

**Жемчужины счастья лелея,
В восторге дивится народ,
Как девушка Пелагея
России осанну поёт!**

* * *

**Встал однажды Иван поутру
Посмотреть, что творится на свете,
Помолился в сосновом бору
И пошёл гостевать по планете.**

**Чтобы мир до потёмок узнать,
Побывал в самых разных столицах,
Воротился, обнял крепко мать,
Та ж с вопросом: “Ну, как за границей?”**

**Долго паузу Ваня держал,
Но потом произнёс очень веско:
- Что я только у них не видал?!
Всё прекрасно!**

Но выпить там не с кем...

* * *

**Моя история простая,
Как дважды два, как сердца крик:
Обид на мать родную стаю
Скопил в себе один мужик.**

**И он, закон родства нарушив,
Отринул смело отчий дом,
И променял живую душу
На десять соток за бугром.**

**Теперь профессор он британский,
И с положеньем, и с брюшком,
Легко вписался в рай мещанский
И выплатил кредит за дом.**

**Живёт мужик, забот не зная,
Гордыню теша и холя,
И уж не снится мать родная,
Сырая Родины земля...**

Страны российской эмигранты,

**Простите прямодушный стих:
Вы есть и были маркитанты
В своём обозе среди чужих.**

*** * ***

**Есть в наших пьяных разговорах
Одна отраднейшая вещь:
Интеллигентского минора
С корнями выкорчеван клещ.**

**Идеи, мнения, пассажи
Туманом над столом висят,
Но в омуте словесной каши
Угадываю свежий взгляд.**

**Мне не по нраву синекура,
И смысл жизни – не вопрос!..
Ликует русская натура,
Целуя шар земной взасос.**

**Я славлю мыслей единенье,
Беседы вольной карнавал,
Да не иссякнет вдохновенье,
Как опрокинутый бокал!..**

Да приумножится охота

**Себя ценить и уважать,
Как мудреца и доброхота,
Чтоб новый мир в себя влюблять!**

* * *

**Я по картам тебя изучал
Много лет, Средиземное море,
И как старых знакомых обнял
Гребни волн на прибрежном просторе.**

**Здесь, у края турецкой земли,
За границей земного барьера
Мне привиделись корабли,
Где сидели герои Гомера.**

**Вместе греки и Трои сыны
За накрытым столом пировали.
Было то до великой войны,
До того, как Елену украли...**

**И я думал, к несчастью, нельзя
Мир устроить одною любовью,
Если близкие и друзья
За неё платят собственной кровью.**

* * *

А. Мамыкину
при дарении “Илиады”

**Есть книги, пестующие дух
И мужества начала...
Огонь Троянский не потух
И слышен звон металла.**

**Как Трою осадили Русь
Финансовые тролли,
И доморощенная гнусь
На сцене в главной роли...**

**Но тем и славны мужики:
В беде они сильнее.
Нам светят Трои маяки –
Чем дальше, тем вернее!..**

**Обнимем русскостью весь мир,
Сплотим любви кусочки...
Гомера зачитай до дыр,
До буковки, до точки!**

* * *

В. М.

**Русский гений, мой доблестный друг!
Что ж проспал, горевой, ты денницу,
И из сильных и опытных рук
Упустил вдохновенья Жар-птицу?**

**Или воли достигнут предел,
Иль вина отхлебнул ненароком,
Но не сделал того, что хотел,
Беспощадным надломленный роком...**

**Так Россия сейчас на мели
В ожиданье большого прилива,
И заморские корабли
Перед носом шныряют глумливо.**

**Богатырь! Отряхнись от невзгод,
Воскреси молодые мечтанья,
Чтобы вспомнил окрестный народ
Про значенье твоё и призванье.**

* * *

**Мне дорог русский человек
Величьем своего размаха,
Когда в моменты смены вех
Глядит в грядущее без страха.**

**Нас снова Запад охмурил
Туманным призраком свободы
И хладнокровно погрузил
В пучины смут и непогоды.**

**Но выбран вектор перемен,
И грех унынью предаваться,
Я славлю тех, кто смог с колен
Самостоятельно подняться...**

**Кому преграды – ерунда!
Кто дышит радужною новью,
Кто не устанет никогда
Державу созидать любовью.**

**И хочется наперекор
Безумству связь времён разрушить,
Поднять российский триколор
Над всей шестою частью суши!**

* * *

**Я быть хочу сегодня богом,
Чтоб речь вести высоким слогом,
И говорить, как Ломоносов,
О древности великороссов.**

**Уж сколько раз нас хоронили
В надежде, что вконец добились,
Уж как злорадствовала гнусь,
Но нет! Стоит Святая Русь!**

**И нас так просто не сломаешь,
Обманешь – да, но не раздавишь.
И пусть на нас свалились беды,
Но мы познаем вкус победы!**

* * *

**Какой ещё другой народ
Добрыней война зовёт?**

**В ответах разночтений нет,
То русский, наш приоритет.**

**Всегда был славен на миру,
Герой, стремившийся к добру.**

**Мы знаем, сила хороша,
Лишь если с ней в ладу душа.**

**Не так страшны врагов ножи,
Как жизнь, прожитая во лжи.**

**Наш горний свет и свыше дар –
Любви вселенской Светлояр!**

* * *

**Из всех дорог на перепутье
Моя – одна.
Не угадают судьи,
Чем дорога она...**

**Когда в себя заглянешь,
То сразу ясен путь,
И размышлять не станешь,
Куда бы вдруг свернуть.**

**Пусть годы наши быстры,
Но цель как мир стара:
Ищу я в людях искры
Вселенского добра.**

**И как бы не вьюжило,
Не веришь, так спроси,
Креплю я дружбы силу
И гимн пою Руси!**

* * *

**Судьбы коротки рукава,
Куда б она не заносила.
Не приняла меня Москва,
Не подмигнула, не сроднила.**

**Я не нашёл любви слова,
Хотя она крылом манила...
Но безответно голова
К решенью сердце торопила!**

**Москва осталась мне чужой,
Я Родины в ней не увидел.
И русскою своей душой
Скорблю, что тем её обидел...**

* * *

**Есть у жизни своя колея,
Но она узковата, что ли.
И дела выбираю я,
Чтоб вложить в них и перца, и соли.**

**Мысль и творческая струя
В них играют заглавные роли,
И солирую в хоре я
Лишь по зову всевышней Воли.**

**Наша будущность, как полынья,
Но чем дальше, тем боле и боле
Я уверен, планида моя –
Перепахивать русское поле.**

* * *

**Поколение советских учёных,
Вы науку любили, как мать.
В коллективах, идеей сплочённых,
Есть великодержавная статья.**

**Вам не снились заморские гранты –
Унизительно-гибельный путь.
Вы не бросились в эмигранты,
Тем являя и мудрость, и суть.**

**Кто-то съехал всё ж, вольному – воля,
Если Родина – тлен и полынь.
Но печальная, думаю, доля –
Умирать среди чуждых святынь.**

**В нас замешаны светлые краски,
И не смоют их смуты дожди.
Сила русских в душевной закваске!**

Сдали нас, как обычно, вожди...

* * *

**Люблю, кто думает солидно
И полновесно говорит,
Когда узоры речи видно
И мудрой логики гранит.**

**Когда душа душе внимает,
Когда беседа, как вино,
Богатством мыслей опьяняет
И высветляет истин дно,**

**Когда от дружеского взгляда
Струна любви внутри звенит
И торжеством тепла и лада
Ответно мир благодарит.**

* * *

Мне Космос – обитель,

А Солнце – завет.

Я прежде мыслитель,

А после поэт.

Мне звёзды сияют

В небесном кремле

И путь озаряют

В таинственной мгле.

Мне радость прозренья,

Как солнце с утра.

Я – луч вдохновенья

И искра добра.

Мне Космос – обитель,

А Солнце – завет.

**Я русский мыслитель,
Я русский поэт!**

* * *

**Загляну в рюкзак воспоминаний,
Фотографий выложу панно,
Чередой былых переживаний
Оживлю немое их кино.**

**Детство, двор, мальчишеские схватки,
Первый папы с мамой нагоняй.
В школе было всё всегда в порядке:
Выучил уроки и гуляй!**

**Юность пролетела как мгновенье,
Сказочны душевные дела!
Помнят куражи и приключенья
Город, три деревни, два села.**

**Но наука – главная отрада,
Но семья – надёжное плечо,
С пылом нескудеющего сада
Я люблю всё это горячо!**

**Космос мне нашёптывает мысли,
Я их постараюсь записать.
Две Медведицы, как плечи коромысла,
Груз которого я должен удержать!**

* * *

**Душа хранит архив палеолита,
Уж такова наследников харизма,
И русскому сознанию привита
Древнейшая религия космизма.**

**Вникая в аксиомы притяженья,
Я чувствую дыхание эфира,
И все мои открытия и прозренья
Приходят из заоблачного мира.**

**Эйнштейн зачаровал всех пустотою
И Космоса основу изничтожил.
Погнавшись за излишней простотою,
Он храм Вселенной дерзко обезбожил.**

**Бесплодный путь, без шанса на успех,
Тупик, плодящий приступы гордыни.
В научном споре ставлю я на тех,
Кто видит жизнь в космической пустыне.**

**Мир создавался не из пустоты,
И это говорит уже о многом:
Знать, есть в природе сущность темноты,
Которую назвали люди богом.**

* * *

**Теплоход “Георгий Жуков”
Режет Волги полосу
И, заправив руки в брюки,
Я как маршал на носу**

**Вдаль гляжу и знаю – будет
И победа, и парад...
Может, Нобеля присудят,
Буду я лауреат!**

**Нет в Отечестве пророка,
Нет любви в краю чужом
И плывём по воле рока
Мы в предвиденье своём...**

* * *

**Как наши встретились пути?
Судьба ль, слепое совпадение?
Но у меня огонь в груди
И сумасшедшее волнение.**

**Волос каштановых тепло
И губ малиновая сладость.
Ты подарила мне светло
И вдохновение, и радость!**

**Не сомневаться, не страдать,
Не впитывать чужие мненья,
А солнечностью озарять,
Любить – мое предназначенье!**

**Небесная моя Жена,
Моя Великая Богиня!
Я кубок пью любви до дна
Не медля и не половиня.**

* * *

Диме

**В грядущий мир торя дорогу,
Свою распознавая суть,
Любви родительской подмогу
С собою взять не позабудь!**

**И в миг, когда душа томится
И безысходностью живёт,
Наш опыт, вдруг, да пригодится
И облегченье принесёт.**

**Поверь в своё предназначенье,
В тебе талантов миллион...
Неведомо судьбы течение,
Но ты им будешь вознесён!**

* * *

Парка ровные аллеи,
Птиц случайный хор,
С каждым шагом всё милее
Сосен коридор.

Мысли кубарем несутся
Под откос Оки,
Верю – впереди сойдутся
Берега реки.

Майский вечер деликатен
На исходе дня.
И до атома приятен
Мир вокруг меня...

* * *

**Над прудом неровной прядью
Гнётся лес.
На воде играет с рябью
Свет небес.**

**И не выразить словами
Никогда,
Как морщинится волнами
Лик пруда.**

* * *

**Я плыл по солнечной дорожке,
Любуясь многоцветьем дня,
И солнца круглое окошко
Манило колдовски меня.**

**И приближало бесконечность,
И истин дальние огни,
И чудилось, что рядом вечность –
Вот только руку протяни.**

* * *

**Поутру туманы-призраки
Варят кашу на пару,
Лапти сушат на ветру,
Поутру туманы-призраки.**

**Поутру туманы-призраки,
В избу норовят влететь,
Колыбельную пропеть
Мастера туманы-призраки.**

**Мировые мужики,
Лишь одной природе внемлют,
Да давление колеблют.
Мировые мужики!**

* * *

**Наша Диканька –
Керженский дом,
Топится банька,
Тянет дымком.**

**Мир принимаю
До запятой,
Смело ныряю
В лоно парной.**

**Парюсь и в речку
Дую бегом...
Сказка с крылечком –
Керженский дом.**

* * *

**Берег Керженца. Молодцем дом,
Подбоченясь, глядит в два окошка.
Я люблю с ним остаться вдвоём
И о жизни подумать немножко.**

**Город - это большой муравейник,
Человек в нём простой муравей,
Пусть хоть трижды великий затейник
На просторах квартиры своей.**

**Только опыт деревни - другое,
Это с миром заоблачным связь,
Что-то вечное, дорогое,
Как тропинки просёлочной вязь.**

**И взирая на звёздные стаи,
И вдыхая космический хлад,
Я с охотой туда улетаю**

И с трудом возвращаюсь назад.

* * *

Н. Василенко

**Я спешиться время
Не умолю,
Но дружеским взглядом
Тебя окрылю.**

**Мы долгою дружбой
Друг друга храним,
Мы в жизни шагаем,
А не семеним.**

**И, первое дело,
Нас движет душа,
Мы горькую пьём
Из созвездья ковша,**

**В нас редкая сила
Святыни любить,**

**Широко гулять
И безудержно жить!**

**Я спешиться время
Не умолю,
Но дружеским взглядом
Тебя окрылю...**

* * *

С. Антакову

**Душа философа – отшельник,
Её удел – покой и книги.
Для большинства мудрец – бездельник,
Таскающий цитат вериги.**

**Но как отрадно погружаться
В чужого текста глубину,
И с наслаждением стараться
Озвучить творчества струну,**

**Услышать явственно, до дрожи
Умов великих голоса,
И знать, нет ничего дороже,
Чем мыслей взлётных полоса.**

ФУТБОЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

1

**Над футбольным полем тает
Облако дневного света,
И, вращаясь, мяч летает
Как пятнистая ракета.**

**Зрители заворожённо
Наблюдают нить полета,
Замирая напряжённо,
Ждут атаки на ворота.**

**Разыгралось нападение,
Засверкала и игра.
На трибунах оживленье,
Крики – забивать пора!**

**Ах! Какое невезенье!
Снова форвард сплеховал.
Ропщет зритель в возбужденье:
С метра бил и не попал!**

**Но прощает все ошибки
За один забитый гол...
Нету сладостнее пытки,
Чем смотреть игру в футбол.**

2

**Люблю воскресным летним утром
Идти неспешно на футбол
И видеть в солнце златокудром
Улыбки мира ореол.**

**Уж нет привычного волнения,
Но есть желание игры,
А невозможность поражения –
Завет мальчишеской поры.**

**И как предел свободной воли
Здесь чувствуешь плечо ребят:
Характер виден на футболе,
Как сквозь Рентгена аппарат.**

3

Ныне мне вспоминаются

Ни банкеты, балы,
Кинолентой являются
Всё голы, всё голы...

С ходу, с лёта, в паденье
И в прыжке головой,
И на опереженье
Пыром в угол пустой;

Со штрафных, добиванием,
Завершившем рывок,
Еле зримым касанием
Вратарю между ног.

Проходные, бесценные,
Приводящие в дрожь,
Свояки, обалденные,
Что потом не заснёшь.

Жажда их сотворения
Гонит на стадион,
Где друзья от рождения,
Где зелёный газон...

4

Я часто вижу этот сон,
Он дорог мне до боли:
Забит на Мызе стадион,
И я бегу по полю.

**А мяч пятнистый, как щенок,
Прилип к ногам послушно,
Но полетит сейчас дружок
Туда, куда мне нужно.**

**Удар! Голкипер лишь успел
Махнуть в сердцах перчаткой,
А мяч со свистом залетел
Точнѐхонько в девятку...**

**Я часто вижу этот сон,
Он дорог мне до боли:
Ревѐт от счастья стадион,
И я бегу по полю...**

* * *

К. Галкину

**Планета, как футбольный мяч,
Вращается без остановки...
В основе тренерских удач –
Союз ума и тренировки.**

**Команда – малое дитя,
Как губка, опыт твой вбирает,
Но миллион потов спустя
Тебе на радость заиграет!**

**А уж когда она летит
В атаку, как на жертву птица,
Когда соперник бросил щит
И уж не знает, как отбиться,**

**Когда его распался строй,
То нет ни у кого сомненья,
Что ты есть истинный герой
И композитор вдохновенья!**

**Сегодня очень важный бой...
Прими мой стих, как наставленье,
Горжуся дружбою с тобой,
Вперёд, и выиграй сраженье!**

* * *

В.А. РАХМАНКИНУ

**Между зимами мир оживёт,
Выйдет солнце на первые роли,
Снег последний, растаяв, сойдёт,
Обнажая футбольное поле.**

**Я приду на родной стадион,
Пережив холода расставанья,
Буду долго смотреть на газон,
Окунаясь в воспоминанья:**

**Как любил контролировать мяч,
Пульс командной игры задавая,
Хитрой логикой передач
Атакующий пыл раздувая...**

Не скажу, чтобы голеодор,
Но голкиперам было не сладко,
Когда я заколачивал в створ
То в шестёрку, а то – в девятку.

А потом уж, как тренер, болел
За успехи своей молодёжи,
Видит бог, я себя не жалел,
Чтоб её мастерство приумножить...

Скоро снова начнётся сезон
И привычно, собравшись в дорогу,
Я приду на родной стадион
Поклониться футбольному богу.

* * *

А.П. АФАНАСЬЕВУ

МОНОЛОГ ЗАСЛУЖЕННОГО ФУТБОЛИСТА

Друзья! Подобно вещему Бояну,
Я мысли разбазаривать не стану,
И каждому мгновенно станет видно,
Что в жизни надо выглядеть солидно.

От истины не отступлю ни грамма,
Играли мы в столице на “Динамо”,
Мы – козыри, и не боимся туза,
Но против всё же сборная Союза...

Вначале нас изрядно повозили,
Но мы наскоки сборников отбили,
Нам помогла футбольная смекалка
И крепкая сибирская закалка.

Но тайм второй. И все переменялось,

Как будто в нас отчаянье вселилось,
Как будто встал вопрос судьбы и смерти,
И мы тогда забегали как черти.

Так, я к чему веду свою беседу?
Мы сдюжили и вырвали победу:
Навес, все вижу, не гоню картину,
Бью головой конкретно в девятину.

У жизни непреложные законы,
Вершины занимают чемпионы,
Но главное не в этом. Очевидно,
Что в жизни надо выглядеть солидно.

* * *

Спят сугробы пышными ватрушками,
В воздухе сверкает бирюза.
Ёлка разноцветными игрушками
Глянет мне приветливо в глаза.

Год уходит, сколько их отмерено,
Лучше не загадывать пока!
Праздник на носу, и я уверенно
Облегчаю тяжесть кошелька...

И одолевает наваждение,
Детскою рождённое порой:
С Дед Морозом в день Его рождения

Я несусь по горке ледяной!..

ПЕРСОНАЛИИ,

ПОЭМЫ,

СТАТЬИ

* * *

Н.И. и И.Е. Усмановым

**Сретенье. Мороз спадает,
Пышет солнечный пирог.
Счастья много не бывает –
Хочется ещё чуток.**

**Юбилей – никак не точка,
А лишь запятая!
В жизни прописная строчка –
Свадьба золотая.**

**Наша встреча как награда,
Дружба как подарок,**

**Всё сложилось, как надо,
Складно, без помарок.**

**Наливаю рюмку с горкой
Из гранёной тары.
Тост закончу поговоркой:
Горько, юбиляры!**

* * *

С. Сметанину

**Весны нахлынула волна,
Март заступил на службу,
И рифмой я хочу сполна
Воспеть мужскую дружбу!**

**Иные много говорят,
В себе лелея звездность,
Но ты хранишь другой уклад,
Где выше славы – скромность.**

**Великорусский человек,
Ты ценишь слово совесть,
И можешь в наш бездушный век**

Понять чужую горесть,

Вдохнуть живинку в разговор,

Своё имея мненье,

Слепой отринуть приговор

И спорное решенье.

В тебе есть мужество и такт,

И сплав ума и воли.

Надёжен ты, и это факт,

И в жизни, и в футболе!

Так солнце, обжигая снег,

Сияет благородно.

Вступая в новый полувек,

Свети ему подобно!

* * *

В. Гаврилову

В судьбе всего заметней вехи,

А юбилей – одна из них,

Когда итожатся успехи

Деяний, сердцу дорогих,

Когда смысл жизни понимаешь,

Как цепь задуманных побед,

Когда душою отдыхаешь,

Придя на праздничный банкет,

Когда улыбки ослепляют,

Когда друзья ещё родней,

Когда печали улетают

И свет становится светлей,

Когда любви бушует море

И с миром хочется дружить,

**Когда всё видится в мажоре
И хочешь бесконечно жить,**

**Услышь товарищей давнишних:
- Года, увы, несутся вскачь,
Но, к счастью, нас с времён мальчишних
Объединил футбольный мяч,**

**И в нашей мызинской дружине
Ты заслужил авторитет,
В её сложившейся картине
На первом плане твой портрет!**

**Упорство, труд – твои задатки,
Тебе всегда работы мало,
Всё у тебя всегда в порядке,
Кудрявый гений капитала!**

**Наш тост, однако, на подходе:
Будь также светл и лучезарен,
Иль как ещё у нас в народе
Тостуют: “Буде здрав, боярин!”**

* * *

С. ГЛУХОВУ

**Стремясь запечатлеть натуру
И подчеркнуть в ней глубь и ширь,
Представляю, друг, твою фигуру
Единым словом – богатырь!**

**Характер – дело родовое,
В нем предков проступает лик,
Мы – их наследие живое...
Хороший ты, Сергей, мужик!**

Россия – Золушка из сказки,

**Приют бесчисленных забот.
Я пью за русскую закваску,
За Мызу и за наш народ!**

* * *

М.М. Серафимову

Сын Архимеда^{*}, Вам присущи

Ум, широта и каламбур,

Вы глубоки и вездесущи,

Михал Михалыч Эпикур!

*** За пронцательный ум и “золотые руки” отцу Михаила Михайловича дали прозвище Архимед**

* * *

А. Кочетову

**Город твой на великой реке
Всё растёт, примеряя обновки.
Яхты движутся по Оке,
Словно лебеди, без остановки.**

**Так и время течёт в никуда,
Оставляя на сердце зарубки,
И бегут кинолентой года
Как мгновения-незабудки...**

**Снова осень пришла на порог,
Открывая счёт новому кругу.
Распахни для неё свой чертог,
Как хорошему, давнему другу.**

**И вдыхая её аромат,
И любясь её разноцветьем,
Будь счастливей счастливых стократ
В новом пяти-десяти-летье!**

* * *

С.М. Пономареву

**Нас в метаниях по свету
Разделяют мненья, вкусы,
Но канатов крепче нету,
Чем товарищества узы!**

**Много говорить не надо,
Коли ясный дать намёк:
В год планетного парада
Юбилею выпал срок.**

**Вслед за ним и мир, и люди,
Все пойдут на новый круг.
Жизнь любя, мечтай о чуде,
И оно явится...**

Друг.

Это стихотворение было написано 7 мая 2011 года, когда казалось, что астрономия – дело, которому посвятил свою жизнь Сергей Михайлович, уже больше никогда не будет изучаться в вузах Нижнего Новгорода. Но случилось “чудо”, и с сентября 2013 года С.М. Пономарев стал преподавать астрономию на физическом факультете ННГУ.

*** * ***

В.И. Таланову

**Мир природы – живой океан:
Разноцветье, движение, звуки.
Но сумеет учёный-титан
Уложить их в каноны науки.**

**Ветер с Волги прохладой лизнет,
Мысль обрадует призрачным ликом
И привычно за стол позовёт:
Над Великовским веет великим.**

**Братство физиков ныне роднит
Закалённая временем вера,
Что течением жизни рулит
Уравнение Шредингера.**

**В нём ужились и ум, и душа,
Всё так складно, что шляпу снимаю.
Хороша эта жизнь, хороша!
И что лучше я, право, не знаю...**

* * *

Е. Марееву

**Года, как карусельный круг,
А будней ритм – веленье века...
В тебе, мой закадычный друг,
Ценю родного человека!**

**Поверить физикой Природу
Умеешь, как большой поэт,
Развив научную методу,
Пролив ассоциаций свет.**

**Умеешь ты проникновенно
Свои идеи излагать
И плодотворно, вдохновенно
Их с коллективом претворять!**

**В Академическом собрание
Твой голос сольно зазвучал,
Он полон силы, обаянья,
В нём есть солидность и запал.**

**Какая мощная натура,
Какой отточенный талант:
Образование, культура,
И славный муж, и не педант.**

**Душе, где всё оригинально,
Размах неудержимый дан,
Её влекут конгениально
Рахманинов и Мопассан.**

**Дерзай же в творческом настрое
К высотам новым воспарять,
Среди товарищей порою
Французских зелий попивать,**

**Фортуны, оседлав стремнину,
Сумей пороги переплыть
И находи всегда причину,
Чтоб долго-долго жить, жить, жить!**

* * *

А. Малеханову

**Перешагнувши полувек,
Невольно хочешь оглянуться,
И, седины стряхнувши снег,
В воспоминанья окунуться.**

**О, юность! В сердце счастья звуки:
Всесилен был социализм!
В идеологии науки
Приветствовался романтизм.**

**Акустика влекла желаньем
Объять антенной шар земной
И постигать чрез расстоянья
Его сейсмический настрой.**

Богатством волновой культуры

**Свой дух познания напитать,
Чтобы в условиях природы
Сигнал среди шума выделять.**

**Но жизнь всегда была законом,
Она, как истинный педант,
Явила в молодом ученом
Организаторский талант.**

**И тут для всех сполна открылись
Способности войти в контакт,
И в полной мерегодились
И красноречие, и такт.**

**Судьба участлива к упорным,
Вкушающим с любовью труд,
Свободным, ищущим, задорным –
Тем, кто мечту в себе несут!**

**Мы все нуждаемся в умелых
И предприимчивых шагах:
Восторжествуй в своих заделах,
Придай им творческий размах!**

**Ходи в походы вдохновенно,
Будь неуступчив на лыжне,
Короче, будь здоров отменно,
Поклон детишкам и жене!**

* * *

А. Лебеву

**Я сейчас скажу такое,
Что никто не говорил,
Между Волгой и Окою
Рай в действительности был.**

**Темны дебри мироздания,
Только к свету путь лежит,
Здесь, храня ростки познания,
Древо вечное стоит.**

**До краев пройдя глубинку,
Изучив писаний свод,
Отыщи свою тропинку,**

Надкуси заветный плод.

**Смысл науки – лёд и пламя,
Чтоб не выдержал гранит,
Гибкость мысли – наше знамя,
Интеллекта динамит!**

**Проникая в нерв явления,
Открывая скрытый мир,
Ты – хозяин положенья
И теорий командир.**

**Созидай, твори с душою,
Чтоб оставить зримый след,
Будь с амбицией большою,
Чтобы рос авторитет,**

**Ведь никто нас не похвалит,
Кроме близких и родных,
А стихов, пожалуй, хватит,
Пьём за сердцу дорогих!**

* * *

В. Чистякову

**Святогор от природы!
Что тебе пожелать?..
Все прожитые годы
В крепкий узел связать,**

**Перед Космосом вечным
Обнажить свою суть,
Стать на миг бесконечным**

И осмыслить свой путь,

Все пустое – отринуть,

А бесценному – внять,

Чтобы гору подвинуть!..

Дай тебя мне обнять!

**СКАЗ О СЛАВНОМ БОГАТЫРЕ ЛЕОНИДЫЧЕ,
ИСТРЕБИТЕЛЕ ОБОРотНЯ В ПОГОНАХ**

Шуточная поэма

Дело было в русском царстве,

В нижгородском государстве,

В стороне, где стопчешь ноги

Об асфальтовы дороги.

Получил царь донесенье,

Что в народе, мол, волнение:

Стал общественным скандалом

Лимузин со спецсигналом.
Чьих корней он – непонятно,
Бедокурит только знатно,
Если надо, так взлетает,
Будто бес им управляет.
Сколько уж машин разбилось,
Сколько уж голов скатилось,
Генеральских и повыше,
Тех, что генералам крыша,
В общем, умереть – не встать,
Надо ведомство спасать...
Тут-то вспомнил царь Павлиныч,
Что есть Виктор Леонидыч,
В кабинет зовет к себе,
И в кремлевской той избе
Говорит, как отрезает,
Будто в душу смысл вонзает:
“Виктор – значит победитель,
Так назвал тебя родитель,
Отыщи того нахала,
Кто хозяин спецсигнала!
Так расставь свой батальон,
Чтобы враз попался он!”
Леонидыч отвечает
Складно, словно пресс качает:
“Много я ночей не спал,
Думал все про спецсигнал,
И смекнул, что наш виновник –
Это Соловей-разбойник!
Он, собака, и летает,
И свистит, и матом лает

На заставы ДПС,
Как полуношный балбес.
У него есть документ,
Будто он московский мент,
Есть еще при нем мандат,
Что он думский депутат,
Пропуска во все бордели,
В Риме, Лондоне и Дели,
Он с деньгами, при законах,
В общем, обратень в погонах!
Но созрел, однако, план,
Как его поймать в капкан:
Мы его легко возьмем,
Коль он пьяный за рулем.
Датый, он взлететь не сможет,
Поневоле крылья сложит,
Мы ж ему укажем резво:
Ты рули, покуда трезвый”.
Царь в ответ: “Мудро! Однако,
Для поимки нужен знак,
Что разбойник едет пьян,
Вижу в плане я изъян!”
“Царь, резонна мысль твоя,
Но об том подумал я,
Есть при мне боец один,
Храбрый капитан Вадим.
Он как раз вчера разведаль,
Где разбойник сходки делал.
И теперь мы знаем верно:
Есть у нечисти таверна
На московском на шоссе,

Черти там бывают все.
Завтра в ночь у них колядки:
Пляски, пьянка без оглядки.
К их разъезду в аккурат
Мы объявим “Перехват”.
“Классно, Виктор Леонидыч, -
Отвечает царь Павлиныч, -
Говорил всегда, везде,
Есть умы в ГиБеДеДе!”...
План сработал идеально,
Нарушителя реально
Задержали без хлопот,
Где Дзержинский поворот.
Леонидычу в награду
Дали отпуска декаду,
Ну, а царь с отменным рвением
Прибыл с личным поздравленьем.
Тут в народ пошла молва:
Леонидыч – голова!
В поведенье - джентельмен,
В выходные дни – спортсмен,
Очень ровный по привычке,
На футболе – электричка:
Хоть не пейте, не курите,
От него не убежите,
Не допустит до ворот,
Мяч спокойно отберет
И атаке даст начало...
Но перо уже устало
Кучеряво сочинять,
И пора уже поднять

**За большого человека,
Разменявшего полвека,
Рюмку водочки родной,
И сказать: “Будь здоров, герой!”**

ЧЕРНОРЕЧЬЕ

Святочная поэма

**Для начала вам представлюсь:
Цвет волос мой серебрист,
Но еще молодкам нравлюсь,
Потому что футболист,**

**Потому, что метким словом
Поразить умею слух,
Потому, что разносолом
Мой закусывает дух.**

**Я приветствую банкеты,
Дружбы верные ветра,
Жизни милые сюжеты,**

Святочные вечера...

**То, что было, не забудешь,
Все, что пережил, хранишь,
Душу пьянкой не погубишь,
А лишь только закалишь!..**

**Снег в Растяпино сверкает,
Наигрались мы в футбол,
Вдруг Аркадьич предлагает:
- А не сесть ли нам за стол?**

**Про Рождественские встречи
Год веду уж речь я,
Приглашаю недалече,
В наше “Черноречье”!**

**Мы к отелю. Нас встречает
Сам хозяин – князь Олег,
Всё он взглядом примечает,
Симпатичный человек!**

**Говорит нам: - Нынче святки,
Всюду бесится народ,
Под забойные колядки
Черти водят хоровод.**

**Черноречье – чёрна речка,
В ней Кикимора жила,
И у молодцев сердечко
Страстью ненасытной жгла.**

**Оборачиваясь девой
Несравненной красоты,
Приходила королевой
И манила за кусты...**

**Но в момент, когда мужчина,
Насладившись, замирал,
Вероломная дивчина
Обнажала свой кинжал.**

**Были фильмы Голливуда
Про инстинкт наш основной,
Все сюжеты их отсюда,**

В том ручаюсь головой.

**Говорят еще, на святки
Оживает вдруг она...
Тут я, братцы, буду кратким:
В святки всех милей жена!..**

**Мы в ответ заулыбались,
Что нам мистики дурман,
Но для храбрости набрались,
Страха нету, если пьян.**

**Скоро праздничное шоу
Подоспело, боже мой,
Девы, краше Шарон Стоун,
И одна вкусней другой!**

**Настроенье выше крыши,
Глазки солнцами горят,
А девчоночки все ближе
Попки сдобные вертят.**

**Вот одна мне подмигнула,
Милый, мол, за мной, пора!
И на ушко вдруг шепнула:
- Есть в отеле номера...**

**И отбросила накидку,
И открыла тела гладь,
Эту дивную открытку
Языком не передать!**

**Фрол – техничный от рожденья,
Снял момент на телефон,
Высший градус напряженья
Был на фотке отражен:**

**Так стремится забивала
Вколошматить в сетку гол,
С вами так не раз бывало,
Коль играли вы в футбол!**

**Вся душа рвалась на части,
Красота сильнее ума,**

**И над нею нету власти,
Только крестик и сума...**

**Слава Богу у Олега
Воевода есть – Гошан,
Он для князя и коллега,
И охрана, и друган.**

**Он следил за чаровницей
С цепкой зоркостью орла:
Чересчур уж бледнолицей
Эта девушка была.**

**Воевода к ней подходит,
Молвит: - Стой! Не шевелись!
Глаз с ее лица не сводит,
Говоря: - Перекрестись!**

**И красавица пропала,
Бесовской исчез туман,
Улетучилась из зала
Как сиреневый обман.**

**Тут-то все вокруг вздохнули:
- То Кикимора была!
И порядочно струхнули,
Помянув обличья зла.**

**А Гошан, как победитель,
Лишь пригубливал бокал
А Олег, как небожитель,
Улыбался и молчал...**

**Были слухи, будто в праздник
Разыграли нас друзья,
Будто князь Олег – проказник,
Но не верю в это я!**

**Были бесы, было порно,
Мне известен их закон:
Доказательство бесспорно:
Потерял Фрол телефон!..**

Русский бог в “Новом мире”
(Литературная Россия, 2013, № 38)

Журнал “Новый мир” в восьмом номере за этот год в обзоре периодики привел полностью моё стихотворение из подборки “Мы - русские”, опубликованной ранее в 39-м выпуске журнала “Вертикаль. XXI век”. Не строку, не четверостишие, а целое стихотворение! Правда, издатели исковеркали его начало и сопроводили ядовитым комментарием, но не будем

о грустном. Смешно воспринимать хамство и ёрничество столичных крючкотворцев всерьёз: причина их негодования лежит вне области поэзии.

Как и всякий корпоративный журнал, “Новый мир” озабочен не только и не столько полемикой, сколько литературной политикой. А в гражданской поэзии нынче стало модным насмехаться над Отечеством. Вероника Зусева (“Арион”, 2013, №2) пишет: “Довольно забавно обнаруживать в сегодняшних гражданских стихах все традиционные топосы: мотивы происков внешнего врага, похвальбы своей силой, мудрости государя, доброты и великодушия народа и одновременно грозного напоминания о российской военной мощи и прошлых победах, уникальности, особости российского пути, богоизбранности России, её положения между Западом и Востоком и её миссии защиты всех славянских народов, - только с противоположным знаком. Если приглядеться, современная гражданская поэзия строится “от противного” к своей предшественнице, пользуясь всё тем же набором, но иронически – главным образом потому, что эти некогда серьёзно воспринимавшиеся обществом топосы давно выродились в фальшивую и довольно глупую риторику”. Критик очень верно характеризует сложившуюся ситуацию, но не ужасается ею, а, наоборот, забавляется. Так принято в либеральных кругах. Они сегодня на первых ролях – и во власти, и в литературе. И именно в этой среде “все традиционные топосы” перестали что-либо значить, превратились в пустышки. Но в основной массе народа этого, к счастью, не произошло, и потому критику не следовало бы приписывать свои роковые недуги всему обществу. Даже в интеллигентских кругах, наиболее подверженных русофобии, нынче наблюдается вполне заметное отрезвление.

В своем увлечении смеховой культурой современные литераторы, кажется, дошли до предела. Вот, и пушкинские “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина” Веронике Зусевой “немножко смешно читать”. Характеризуя гражданские стихи Александра Сергеевича, она замечает, что “они энергичны и блескучи, но несколько ... одноклеточны”, то есть “одноцветны”: Россия и русские в них всегда изображаются в мажорных

тонах. А нашим либералам непременно хочется минорных словоизвержений, приправленных глумливыми двусмысленностями. Вот и Фёдор Иванович Тютчев, по мнению неистовой Вероники, “в своих панславянских стихах падает в такие бездны безвкусицы, что глазам своим сложно поверить”. А про его стихотворение “Русская география” она категорически заключает, что это “пожалуй, самый наглядный пример того, какая опасная штука гражданский пафос”. Штука эта, действительно, опасная, спору нет. Но осмелимся заявить критику, что глубинный смысл “Русской географии” от неё всё ж таки ускользнул.

Приведём стихотворение полностью:

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Идея поэта соединить три великие столицы вполне понятна. Град Петров – это Рим, город святого апостола Петра; Константинов град – Константинополь, столица Византии. Включение в этот ряд Москвы является отражением знаменитой формулы старца Филофея: “Москва – третий Рим”. Но почему вдруг Тютчев называет эти города столицами русского царства? Филофей говорил только о преемственности городов как центров мировых империй, определявших пути развития цивилизации. Кроме того, Москва выступала прямой наследницей и продолжательницей византийской традиции в христианстве. Поэт, однако, выделяет не политическую и не религиозную черты сходства империй, а именно этническую. Это наполняет

филофеевскую мысль совершенно новым содержанием: Тютчев говорит о присутствии предков русских в древнем Риме и в Византии.

Древних римлян называют учителями Западной Европы, но их учителями, в свою очередь, был более древний народ расенов (этрусков). Более двух тысяч лет назад (VIII-II вв. до н.э.) они владели значительной частью Апеннинского полуострова, воздвигали города и некрополи, своим богатством не уступавшие египетским пирамидам. Жилое здание с крытым двориком в центре дома принято называть “римским”, но на самом деле его изобрели этруски. Водосточная и канализационная системы, “сработанные рабами Рима”, также были введены не римлянами, а этрусками. Они были “хозяевами морей” и научили римлян судостроению и искусству вождения кораблей. Им же принадлежат древнейшие на Апеннинском полуострове памятники письменности, и именно этруское письмо легло в основу современного латинского алфавита, которым пользуется добрая половина человечества. К римлянам от этрусков перешли знаки государственной власти, одежда, устройство дома, цирк, гладиаторские бои. Ф.И. Тютчев был прекрасно знаком с историческими идеями своего друга А.С. Хомякова (они составили основу его книги “Семирамида”) и, похоже, разделял их. Поэтому у поэта были достаточно веские основания назвать город Рим, построенный этрусками, одной из заветных столиц русского царства.

А, кстати, о каких внутренних морях пишет поэт? Из текста следует, что они лежат к югу от Петербурга, но севернее Египта, Месопотамии, Китая и Индии. Наверное, никто не станет возражать, что это Чёрное, Азовское, Каспийское, Аральское, Мёртвое, Мраморное, Эгейское моря. Все они, по словам поэта, являются внутренними морями Русского царства. Разумеется, эту мысль не следует понимать буквально. Поэт подчёркивает, что древнейшая русская история самым непосредственным образом была связана с выросшими на берегах великих рек древними цивилизациями:

арийской – на Волге,
египетской – на Ниле,
шумеро-аккадской – на Евфрате,

индийской – на Ганге,
еврейской – на Иордане,
славянской – на Дунае,
славянорусской – на Днепре.

Такого рода идеи и во времена Тютчева, и теперь принимаются в штыки. Поэтому Фёдор Иванович не стал публиковать свою “Русскую географию”. Стихотворение, написанное в 1848 или 1849 году, было издано только в 1886, через 13 лет после смерти поэта. Но ни тогда, ни в последующие столетия лишним лет на него так и не обратили внимания исследователи его творчества. По иронии судьбы и учёный-энциклопедист В.В. Кожин, автор прекрасной книги о поэте, никак не прокомментировал эти строки. А ведь они выражают суть понимания Тютчевым русской истории. Ощущение её всемирности породило в нём веру в вечность русского царства, к которому он и относил слова пророка Даниила (2,44): “И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”.

“Русская география” – гениальное стихотворение, лаконично формулирующее суть нашей национальной геополитики. И не о физической протяжённости русских границ, как думает Вероника Зусева, говорит Тютчев, а о нашей многотысячелетней причастности к истории самых разных государств.

Ох, не хватает подчас нашим критикам, стремящимся понимать поэзию (читай, Россию!) умом, интуитивных прозрений, а то и элементарных знаний. Вот и заместитель главного редактора “Нового мира”, заведующий отделом поэзии Павел Крючков, прочитав стихотворение “Я быть хочу сегодня богом...”, испытал приступ сарказма. Что ж, придётся объясниться.

Василий Васильевич Розанов, разбирая лермонтовские строки

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит, -

признаётся: “Я преднамеренно написал “богу” с маленькой буквы, хотя печатается это слово в сочинениях Лермонтова с большой, ибо здесь, как уже вы там хотите, но, во всяком случае, говорится не о “Христе, распятом при Понтийском Пилате”, т.е. не о твёрдо известном историческом Лице. Чувствуете ли вы мою мысль? Я хочу сказать, что если сразу прочитать стихотворение Лермонтова и в упор спросить: говорится ли тут о Христе и если это стихотворение, так сказать, евангельское по духу, - то вы сразу ответите: “нет! нет!” И я скажу: “нет”, и тут-то поймаю как вас, так и Лермонтова: о каком же тогда он “боге” говорит и с такою отдельною (заметьте!) чертою:

Жду ль чего, жалею ли о чём?

Бедный мальчик, потому что ведь он написал это юнкером, в каком-то странном смятении “ждёт” ещё “бога” и “жалеет” об оставляемом Боге. Древние наши предки связывали своих богов с небесным сводом и звездами, мерцавшими на нём. “Надзвёздные края” – это мир седой древности, это Космос древних мифов и мечта о золотом веке, когда **люди были как боги** (выделено мной – А.А.). Христианство с его “божественно-ангельскими” небесами пришло на смену старой мифологии, но ничего не умерло, переменились только эпитеты “злой”, “добрый”.

Прошли века, тысячелетия, а “ничего не умерло”, и Лермонтов думает о таинственном боге Вселенной, которому “внемлет” Природа. Сегодня мы можем назвать его имя. Это русский бог Род – создатель Мира, а сотворенная им природа называется так, потому что пребывает “при Роде”, под его неусыпной опекой. Впрочем, разгадка имени бога-прародителя здесь не столь существенна. Важнее другое. Поэт ощущает в себе дух языческих времён, он ясно осознаёт, что целостность исторического восприятия мира и своего бытия в нём требует заглянуть в религиозные “омуты” языческой эпохи. Там господствовали другие, неведомые ему боги, но это была содержательная, наполненная смыслом религия.

Поэт Даниил Андреев, развивая тему лермонтовских предчувствий, создал единый поэтический ансамбль из стихов и поэм, названный им “

Русские боги”. Духовидец и мистик, он попытался предугадать небесный образ России (Святую Русь). Это и есть мир русских богов – та непостижимая реальность, которую бессознательно ощущает каждый русский человек. И это не только мир православной теологии. В поэме “Ленинградский апокалипсис” поэт пишет:

Нет, не Творца Триипостасного
Я именую этим словом
Теперь, вот здесь, когда громовым
Раскатом град наш потрясён;
Тебя! Нас слышащего! страстного,
Живого Ангела Народа,
Творца страны – с минут восхода
И до конца её времён.

Кто же этот этот “творец”, охраняющий наш народ во время испытаний. По предчувствию Даниила Андреева, это не христианский триединый бог, это не бог, принесённый традицией с Ближнего Востока, это “Ангел Народа”, Какого народа? Однозначно, русского! И поэт во введении к книге поясняет свою позицию:

Небесный Кремль - мечта народа,
Итог и цель, сквозит вверху:
Лучом сквозь толщу небосвода
Он прикасается к стиху.
Он прикасался к душам зодчих,
Осуществлявших Кремль земной, -
Ко всем, искавшим правды Отчей
И мудрости земли родной.

В небесном Кремле Руси правит русский бог. Андреев называет его Ярсветом – Яром, несущим свет. Яр или Ярила (современная транскрипция) – древнейший верховный бог русского народа. В какой-то момент его стали называть Родом, но это просто другое имя бога-прародителя, “правителя” Святой Руси.

Языческие жрецы во время ритуальных церемоний облачались в его “одежды” и обращались от его имени к своим сородичам. Эту ситуацию дохристианской эпохи как раз и обыгрывает строка скандального стихотворения. Оно своего рода заговор для восстановления родовой памяти. И резолюция господина Крючкова, требующая “вынесения вон святых”, то есть православных икон, в данной ситуации, что называется, ни к селу, ни к городу.

ПОЭЗИЯ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

(Журнал “Вертикаль XXI век”, 2013, № 37)

В названии своего толкового словаря Владимир Иванович Даль применительно к нашему языку употребил слово “живой”. В подзаголовке он

приписал, что это следует понимать, как “направление исследования”. Выражение достаточно туманное. Оно ничего не проясняет, однако приглашает задуматься. Параллель “живой – живущий” слишком очевидна. В современном мире существуют сотни, если не тысячи языков. В противовес умершим и вышедшим из употребления их можно называть живыми. Но не такой смысл писатель вкладывал в свою характеристику. Окунувшись в глубины великорусской языковой стихии, он ощутил её корневую связь с миром природы, её естественность. Слово “птица” неразрывно связано с глаголом “петь”, речь в русском восприятии – та же река, только наполненная духом и смыслом. Великорусский язык живой потому, что его корни хранят память тысячелетий, первообразы человеческой речи. Урожай – это то, что рождает мать – сыра земля, медведь ведает, где мёд, а облако – белое око небосвода. Жизнью наполнен наш язык, её вечной юностью, таков смысл далевского определения.

Но коли так, то, как говорится, сам бог велел, поискать глубинные основания нашей речи. Например, среди числительных.

Почему Иван-дурак третий сын?

Было время, когда человек только-только учился считать. Каменный век царил на Русской равнине. Математика тогда ещё не родилась, но первые числа уже существовали. Их соотносили с чёрточками, нарисованными на земле или процарапанными на камне. Или с палочками, выложенными вертикально в ряд. Одна палочка означала “один”, две палочки – “два”, три палочки – “три”...

Имена первым числам давали поэты. За каждым числом они видели определённый образ. Палка – древнейший символ мужского начала, а единица, повторяющая своим видом вертикальный обелиск, – символическое изображение бога плодородия. Наши предки называли его Уд. От словосочетания “Уд он” и произошло числительное “один”. Вы скажете,

появились другие гласные. Но слову-то не одна тысяча лет, а при произношении сохраняется, в первую очередь, каркас согласных.

Вся мифология, вся первобытная культура пронизана эротизмом. Было бы даже странно, если бы это не нашло отражения в названиях цифр. Представьте рисунок, на котором изображены две вертикальные черты. Он обратит нас к мысли о прекрасном сокровище, данном женщине. Число “два” олицетворяет женское начало, причем, в своем изначальном, девственном облике. Два – по-другому, дева. Если на образном уровне единицу можно соотносить с ветхозаветным Адамом, то двойку – с Евой.

Третий в их компании, небезызвестный Змей, слывет искусителем женских сердец, вдохновителем исполнения их заветных желаний. Суть такого рода удовольствий прекрасно выражает слово “три”: ласкаясь, возлюбленные трутся друг о друга. Три – это сочетание единицы и двойки, слияние мужского и женского начал, вернее, входа первого во второе. Русские до сих пор характеризуют это действие глаголами “дери”, “драть”. Они-то и таят в себе сокровенный смысл ругательного ныне слова “дурак”. А в своем изначальном значении оно относилось к герою-любовнику, который блестяще владел искусством соблазнения. Иван – третий сын родителей, третьяк или драк (дурак). Числительное таит в себе скрытый смысл, который переносится на сказочного героя и определяет, тем самым, его образ.

Число “три” символизирует любовь, и не какую-нибудь безответную и платоническую, а взаимную, страстную, ненасытную. Вот почему третий тост мужчины всегда поднимают за женщин. Тройка – единственное число в последовательности положительных чисел, которое равно сумме двух предыдущих. Это подчёркивает ее избранность, внутреннюю сложность и в то же время гармоничную целостность. В мифологии число “три” подразумевает существование единства верхнего, нижнего и среднего миров, а в христианстве отражает суть божественного устройства. Тройка несёт Русь!

Особая роль четвёрки

Для филологов происхождение слова “четыре” темно и неясно. От безысходности они выводят его из греческого языка. И совершенно напрасно. Для начала напомним, что слово “чета” – значит двоица, пара. Если же к нему присоединить глагол “ярить”, имеющий смысл “разжигать похоть”, то сложится как раз та праформа, из которой и выросло числительное “четыре”. Означает оно “отъярить деву дважды”. В таком художественном определении заложена и реальная математика: дважды два – четыре.

Всегда приятно убедиться, что открытое тобой правило работает. Но для пятёрки и превышающих её цифр оно уже даёт сбой. Четвёрка обозначает границу, за которой закон наименования чисел меняется. Эротический подтекст в названиях следующих цифр исчезает. Есть и другие доказательства избранности четвёрки.

Будем считать, например, дома и следить за окончанием существительного. Что получится? Один дом, два (три, четыре) дома, но ... пять (сто) домов. Существительное, начиная с цифры “пять”, употребляется в родительном падеже множественного числа. Два, три, четыре дома – это уже несколько домов, но для их счёта используется родительный падеж единственного числа. В составных числительных существительные подчиняются тому же правилу: “24 дома”, но “25 домов”. Эта древняя остановка на четырёх не ограничивается только числами единичного разряда. Она проявляется и в счёте десятков (тридцать, но сорок и пятьдесят), сотен (четыреста, но пятьсот), тысяч (4 тысячи, но 5 тысяч). За исключением числа “сорок”, о нём речь впереди, при переходе через четвёрку соответствующего разряда начинает употребляться существительное в родительном падеже множественного числа.

Удивись, дорогой читатель! Язык сохранил тонкости мировосприятия наших древнейших предков. На вопрос “сколько тебе лет?” ребёнок по мере взросления будет отвечать: “Мне два (три, четыре) года”, но потом скажет: “Мне пять лет”. Забавно, не правда ли, возраст до четырёх измеряется в годах, а после – в годах.

Или ещё пример, наверное, самый красивый. Будем записывать однотипные наречия, образованные от названий первых чисел, восстанавливая их первоначальный вид и способ образования: одна-жди, два-жди, три-жди, четыре-жди. Но на следующем шаге мы вынуждены написать – пять раз. Чудеса, да и только! Четвёрка обозначает предел, за которым закон счисления качественно меняется. Разумеется, это наследие давних времен, эпохи каменного века. Но эту реальность сберёг наш язык.

Способ записи обсуждаемых наречий открывает нам загадку четвёрки. Мы привыкли считать десятками, но так было не всегда. Самая первая русская система счисления основывалась на числе “четыре”. Единицы счета – один, два, три, четыре – находились в равном положении, после произнесения их при пересчёте чего-либо надо было сделать паузу, отсюда “жди” в связанных с ними наречиях. Пятёрка выступала первым элементом второй четвёрки, она открывала новый цикл счета. Сосчитав до четырёх, древний вычислитель переходил к новой четвёрке. Поэтому синонимом слова “опять”, в котором первая буква ненароком прилепилась, приросла к более древнему корню, служит наречие “снова”. В этом слове первая буква – декоративная, оно родилось из словосочетания “сё (это) ново”. По такому правилу в русском языке образовано также множество глаголов и существительных, например, делать – сделать, мена – смена и т.д.

Кажется странным, что основой счёта палеолитического человека стало четыре. Ведь самый простой способ счёта осуществляется при помощи пальцев, а их на каждой руке - по пять. В чём же дело? Чего проще, загибай пальцы на руке и шепчи под нос – один, два, три, четыре, пять, а далее отмечай каким-либо образом количество пятков. Но всё гораздо интереснее. Счёт велся, конечно, на пальцах, но большой палец выступал в роли счётчика. Его последовательное прикосновение к каждому из четырех других пальцев руки соответствовало пересчёту очередной четвёрки чисел.

Почему же была выбрана именно такая система? Ответ открывает само слово “счёт”. Используя “наше” правило буквы “с”, его можно прочитать как “сё чёт”. Человек начинал считать чётами (парами). Для нас это

удивительно, но ни древние греки, ни средневековые арифметики единицу числом не считали. Традиционно ей присваивали особый статус, поскольку она неразложима на части. Первым числом считалась двойка. Вот почему охотники считали звериные шкуры парами. Счет “двойками” до сих пор используется в спортивных занятиях (“раз, два”) или для расчёта на “первый, второй”. Неграмотным солдатам при маршировке в своё время командовали “сено, солома”, у современных же военных возобладал счёт четвёрками. Считать так, действительно, удобнее.

Итак, в силу чётности четвёрка была выбрана для счёта на пальцах руки. Это свойство предопределило и её значимость в человеческой культуре. Четыре стороны света, четыре времени года, четверть... Наконец, поэтический “атом” – четверостишие. Союз двух пар рифм в нём прекрасно выражает тот глубинный смысл, который видели в четвёрке первые математики.

Гармония числа и буквы

Фантазии человека рождаются под воздействием окружающей действительности, их истоки лежат в океане реальности. Это свойство нашего мозга. Так происходит сейчас, так было и прежде. Всякое слово рождалось из определённого образа или на его основе. Слово “пять”, казалось бы, должно выводиться из каких-то простейших корней, “привязанных” к руке или ладони: все ж таки пятипальцевая конечность – важная черта человеческого тела. В санскрите, например, слова “рука” и “пять” совпадают. У нас не так. Правда, есть старорусское слово “пясть” – ладонь, кисть руки, но оно произошло уже от понятия “пять”. Точно так же, как и пядь – расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при наибольшем возможном их раздвижении (максимальном раскрытии пятерни). Ступня человека на мягкой почве оставляет след в виде отпечатков пяти пальцев и кружочка. Рассматривая их как части единого целого, древний

языкотворец назвал этот кружок следом пятки, то есть, опять-таки и слова “пятка”, “пятиться” ведут свою родословную от слова “пять”. Но как же оно возникло само?

Тут самое время сказать, что, разгадывая тайну пяти, следует думать не только и не столько о происхождении одного этого слова, сколько о том новом принципе, который был заложен в названиях числительных, превышающих четвёрку. Система обозначений должна раскрыться как веер, обнажив как исходную идею создателей числовой азбуки, так и конкретные формы её реализации. Если первая четвёрка чисел замешана на эротическом “тесте”, то для следующей за ней последовательности цифр на первый план выходит культурная составляющая. И вся проблема лишь в том, чтобы открыть её в явном виде.

А что, если изобретатели названий чисел от пяти до десяти опирались на идею их гармонии с буквами древнерусского алфавита? Мы сейчас пользуемся так называемыми индийскими цифрами. Первые сведения об их появлении в Европе относятся к концу X – началу XI вв. На Руси к тому времени уже существовал древнерусский алфавит (кириллица). Сравним её буквы с нашими цифрами.

На цифру “пять” похожа буква “ять”. Она использовалась до реформы 1917–18 гг. и изображалась, как мягкий знак, у которого верхняя часть вертикальной линии перечёркнута горизонтально. Наша версия такова: слово “пять” образовалось в результате оглушения при произношении выражения “бё ять” – “было ять”. А стало пять!

Цифра “шесть” похожа на отражённую от горизонтали строчную букву “е”, которая в русской азбуке называлась “есть”. Само слово “шесть” родилось из выражения “сё есть” – “это е”. Кстати, гласная “е” – шестая в азбучном порядке.

Цифра “семь” похожа на отражённую от вертикали букву “с”. А слово, обозначающее это число, выросло из древнерусской конструкции “сэ имею”. Идём дальше.

Восьмёрка повторяет букву “в”, а “восемь” значит “вэ сё имею”. Глагол “имею” родствен существительному “имя”, поэтому наименования первых букв семёрки и восьмёрки можно еще называть их именами.

Про изображение девятки так и хочется сказать “дэ ведь”, “дэ ведай”. Или по-другому – “дэ видь”! Речь идет об архаичной строчной букве “д”, у которой, в отличие от современной, петелька не замкнута. Она один к одному воспроизводит девятку.

Вопрос о возникновении числительного “десять” представляет наибольшую сложность. С ходу он не решается, поскольку десятка состоит из двух знаков, которые схожи с буквой “ю”, но выстроить на её основе выражение, сводящееся к слову “десять”, невозможно. Не будем, однако, сдаваться.

“Ять” в слове “десять” воспроизводит название однозвучной буквы. Изначально это слово состояло из четырех букв – “д”, “е”, “с”, “ять”. Его можно прочесть, как “де с ятью”, то есть десять означает сложение буквы “дэ” (“де”) с буквой “ять”. Но “дэ” – пятая буква русского алфавита, а буква “ять” обозначает пятёрку. Их сумма как раз составляет десять. Мы в точности выполнили действие, которое предписывает слово “десять”, и в итоге объяснили его смысл.

Наше отношение к числам сегодня чисто утилитарное, и поверить, что за их обозначениями, какими-то значками скрывается определённый смысл, непросто. Но что есть, то есть. Названия чисел от пяти до десяти придумывались по единому плану, и нельзя не восхищаться его красотой и оригинальностью.

Слову “дюжина” академические филологи отдают французский приоритет. Причина простая – первое упоминание о ней содержится во французской рукописи XII века. Но в “Русской Правде”, а это первая половина XI века, присутствуют наши доморощенные прилагательные “дюжь, дюжий”, значение которых “здоровенный”, “очень крепкий”. Наречие “дюже” у русских имело смысл “сильно”, “очень”, а у поляков “много”. В общем, у нас есть все основания говорить, что “дюжина”

произошла от славянского “дюже”. А теперь самое главное. “Дюже” – это соединение (“суммирование”) букв “д” и “ж”. Первая из них – пятая по счету в русской азбуке, а вторая – седьмая. Складываем эти числа и получаем в сумме ровно дюжину. Может, это кому-то и не очень понравится, но это мы подарили европейцам и десятку и дюжину.

Мистика сорока

В русском языке, как и в большинстве других индоевропейских языков, система числительных имеет почти регулярную структуру. Числа до 10 имеют оригинальные имена, а от 11 до 19 уже составные названия: одиннадцать (один на десять) и т.д. А вот с наименованием десятков уже начинаются сложности. После двадцати и тридцати следовало бы ожидать четыредцать, однако говорят “сорок”. Далее правило, казалось бы, восстанавливается, но вместо девяносто произносят “девяносто”. Учёные назвали два этих исключительных числительных аномальными.

Относительно природы числа “сорок” специалисты спорят. Предложены греческая, тюркская и даже скандинавская гипотезы его происхождения. Принимать их всерьёз не следует по одной простой причине: если на Руси был широко принят счёт сороками, то ни в Греции, ни у татар, ни в Скандинавии этого в таком масштабе не наблюдалось. В русском пуде содержалось 40 фунтов, в мерной бочке – 40 вёдер, в указном ведре – 40 косушек и т.д. Да, Русь платила дань ордынцам сороковинами (ежегодная подать, равная сороковой части наличного имущества), но это лишь доказывает, что для русских была известна и принята такая мера отсчёта, и имеет смысл говорить как раз об обратном заимствовании. Московские церкви считались также “сороками”. Ещё в XVII веке говорили, что в Москве “сорок сороков” церквей, хотя на самом деле их было порядка ста.

Сороками считали звериные шкурки и сибирские охотники. Делали они это прелюбопытным способом. Большим пальцем правой руки, используемым в качестве счётчика, зверолов пересчитывал каждую пару

суставов на четырёх оставшихся пальцах и, насчитав, таким образом, восемь единиц, загибал один палец левой руки. Операция счёта кончалась, когда были загнуты все пять пальцев левой руки, что давало пять восьмёрок, одну “сорочку” или число “сорок”. Таким образом, “сорок” значит “сё рука”! Гласные в этом выражении ближе к нашему времени чуток изменились, но это обычное дело. Почему мы называем рубашку сорочкой? Потому, что она с ручками, с рукавами. Точно так же и звероловы называли свой мешок со шкурками оттого, что к его горловине были пришиты “ручки”, использовавшиеся в качестве завязок. И вовсе не потому, что в такую сорочку закладывалось по сорок шкурок.

О том, что число 40 на Руси когда-то играло роль “границы” говорят и некоторые связанные с ним поверья. Так, сорок первый медведь считался роковым для охотника. В связи с этим обратим внимание на символический характер названия знаменитой повести Бориса Лавренёва “Сорок первый”. Слово “срок” выросло из словосочетания “сё рок”. Оно не слишком близкий родственник сорока. Здесь проявляется, скорее, ассоциативная параллель: рука – конечность – конец – срок (рок). Но народная традиция прочно соединила два эти слова. Русские люди, к примеру, до сих пор обсуждают, можно ли отмечать 40-летие. Число сорок играет важную роль в иудейской, христианской и мусульманской религиях. Но истоки его мистического почитания лежат в языческой культуре охотников Евразии.

Тайна девяноста

Слово “девяносто” интригует своей загадкой. Его иногда пытаются выводить из оборота “десять до ста”, но выглядит это как-то неубедительно: исходная праформа должна содержать число “девять”.

В первую очередь, следует разобраться со значением слова “сто”, которым оканчивается наше числительное. Все гениальное просто, поэтому слово “сто” логично толковать, как сокращённое “стой”. Почему логично? Потому что сто – обозначение нового разряда, это очередной рубеж счёта,

перед которым необходима “пауза”. Вспомним окончание “жди” в уже обсуждавшейся четвёрке наречий, или то, что при пересчёте спортсменов и военнослужащих, стоящих в шеренге, последний в ней должен произнести свой порядковый номер и добавить: “Расчёт окончен”. Схожая ситуация сложилась, например, и в английском языке. Там слово “hundred” (“сто”) родилось из словосочетания “end road” (“конец дороги”). Таким образом, последний слог числительного “девяносто” как бы предупреждает, что скоро грядёт переход к новому разряду.

Составители “гаммы” чисел уважительно относились к людям, которым предстояло научиться считать. За десять шагов до сотни они, вместо обозначения кончающегося разряда, выставили предупреждающий знак “стой” и дублировали его перед каждым следующим числом. Получался следующий счёт: девять-стой, девять-стой один и т.д. “Стой” стало наименованием нового разряда. Впоследствии последняя буква отпала, а произвольный смысл обозначения разряда забыли и склоняли число “сто” по правилам грамматики.

Но на этапе счёта сотнями обнаружился методический просчет. Число “девятьсот” практически повторяло оборот “девять-стой”. Вот тогда-то директивно, сверху и ввели слово “девяносто”. Эксперимент с предупреждающими знаками был признан неудачным и при переходе на счёт тысячами они уже не выставлялись. От идеи остановки перед введением нового разряда при этом не отказались. Слово “тысяча” значит “то усеча” – “отсекание, отруб” (“то” – указательное местоимение). Для сравнения укажем, что у англичан “thousand” (“тысяча”) является слегка искажённым словосочетанием “those end” (“этот конец”). Аналогия полная.

Русская формула счёта

Как и всякая наука, арифметика внациональна. Числа и действия над ними везде одинаковы, будь то чёрный или зелёный континент. Это следствие формализации процедуры вычислений. Но русский язык указывает на

возможность несколько иного взгляда на сам процесс счёта. По-русски слова “считать” и “читать” означают в сущности одно и то же (правило буквы “с”!). Ни в одном другом языке ничего подобного нет. Читать – значит глядеть в текст, а считать – значит оперировать с числами. У русских же эти два процесса объединяются. У нас работает формула счёта:

СЧИТАТЬ – ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ!

Она пережила тысячелетия и отражает народный характер. Наша натура бунтует против абстрагирования от природы. Нам не всё равно, что считать, и не всё равно, как считать. В нас живёт идущая от предков установка – оживить процедуру счёта, наполнить её жизненными реалиями. Если счёт подразумевает обезличение предмета, то чтение, наоборот, предполагает его образное восприятие.

Имена первых русских числительных рождались на основе первообразов, прочно закрепившихся в сознании людей. Числа от одного до четырёх связаны с эротическими символами, числа от пяти до дюжины обязаны своими названиями русскому алфавиту, а число “сорок” возникло после укоренения на Руси пальцевого счёта. Исключениями в этом ряду являются девяносто, сто и тысяча. Они вводились, как обозначение перехода в новую зону счёта. Но исключения лишь украшают правило. В названиях основополагающих наших числительных живёт поэзия, и это ещё одно свидетельство в пользу того, что наш язык – живой.

СОДЕРЖАНИЕ

Мы – русские. Стихотворения

- “Как огонь поэта слово...”
Тайна Лермонтова
Фёдор Тютчев
“Есенин дерзко воскресил...”
“Бунинское слово...”
“Стихи Набокова...”
“Заката огненная риза...”

“Он жить мечтал до старости, до славы...”

Даниил Андреев

Николай Рубцов

Юрий Кузнецов

Мыза

“С молодых ногтей...”

“Я отмечаю мамин день рожденья...”

“Не люблю, чтоб было пресно...”

“Мы – русские...”

“Что Россия? Загадочный лес...”

“Эх, встречай меня парная”

“В России русским всё беда...”

“Вот уже который год...”

“Есть девушка в нашей отчизне...”

“Встал однажды Иван поутру...”

“Моя история простая...”

“Есть в наших пьяных разговорах...”

“Я по картам тебя изучал...”

“Есть книги, пестующие дух...”

“Русский гений, мой доблестный друг...”

“Мне дорог русский человек...”

“Я быть хочу сегодня богом...”

“Какой ещё другой народ...”

“Из всех дорог на перепутье...”

“Судьбы коротки рукава...”

“Есть у жизни своя колея...”

“Поколение советских учёных...”

“Люблю, кто думает солидно...”

“Мне Космос – обитель...”

“Загляну в рюкзак воспоминаний...”

“Душа хранит архив палеолита...”

“Теплоход “Георгий Жуков”...”

“Как наши встретились пути...”

“В грядущий мир торя дорогу...”

“Парка ровные аллеи...”

“Над прудом неровной прядью...”

“Я плыл по солнечной дорожке...”

“Поутру туманы-призраки...”

“Наша Диканька...”

“Берег Керженца. Молодцем дом...”

“Я спешиться время...”

“Душа философа – отшельник...”

Футбольные этюды

“Планета как футбольный мяч...”

“Между зимами мир оживёт...”

**Монолог заслуженного футболиста
“Спят сугробы пышными ватрушками...”**

Персоналии. Стихотворения

Н.И. и И.Е. Усмановым

С. Сметанину

В. Гаврилову

С. Глухову

М.М. Серафимову

А. Кочетову

В.И. Таланову

Е. Марееву

А. Малеханову

А. Лебедеву

В. Чистякову

Поэмы

**Сказ о славном богатыре Леонидыче, истребителе оборотня
в погонах
Черноречье**

Статьи

**Русский бог в “Новом мире”
Поэзия русских числительных**